

Э. В. УСЕНКОВА (Новосибирск)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В НГАНАСАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Резюме. Среди лексических средств выражения модальности в нганасанском языке выделены модальные глаголы, группы слов с эмотивной семантикой, модальные слова, модальные частицы и междометия. В статье также затрагивается проблема выделения критериев для определения вышеперечисленных средств как частей речи в нганасанском языке. Описание синтаксических средств включает синтаксические конструкции, номинативные предложения, инвертированный порядок слов и обращение.

1. Лексические средства выражения модальности

К лексическим средствам выражения модальности относят лексические единицы со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности (Агаева 1990 : 54). Специальными лексическими выразителями грамматических (модальных) значений признаются только те слова, которые освобождены от своего вещественного (номинативного) значения и приобрели модальную семантику (Петров 1984 : 34). В лексические средства выражения модальности, как правило, включаются модальные глаголы, модальные слова, модальные частицы и междометия. При этом роль перечисленных средств в выражении модальности оценивается лингвистами по-разному. Расхождения во мнениях происходят в основном из-за различного понимания исследователями категории модальности.

1.1. Модальные глаголы

Модальные глаголы не выражают ни действия, протекающего в процессе, ни признака или характеристики субъекта действия. Их основной функцией признается выражение отношения субъекта действия к действию, реализующееся в трех основных значениях — возможности, желательности, необходимости. Эти значения указывают на модальное отношение внутри предложения, объективное по своему характеру (Крушельницкая 1961 : 156). Таким образом, модальные гла-

голы передают внутреннюю модальность, которая не влияет на модальность предложения в целом. Одновременно модальные глаголы выражают потенциальность, входящую в сферу внутренней модальности и передающую отношение субъекта действия к совершаемому им действию (Ермолаева 1987 : 98; Кузнецова 1995 : 110).

В нганасанском языке представлен ряд глаголов, которые достаточно однозначно можно отнести к модальным:

1) *čenidi* 'знать, мочь, уметь': *nemimə čeninti sočurasa huaɟmuj ɲagə* 'мать моя хорошо умеет шить унты';*

2) *derusa* 'не знать, не мочь, не уметь': *siti derutu hiritasi, niptəda, demba sočurasa* 'она не умеет варить, стирать, шить одежду';

3) *ləzi*^{si} 'не мочь, не уметь': *nojbuomə ləzi*^{tim} *diltə* 'головы поднять не могу'; *tə*^{bi} *k'ali ləzi*^{ti} *nili*ⁿ 'олени без воды жить не могут'; *nəndujkali kolij kəmüzü*ⁿ *ləzi*^{siə} 'без лодки они не могли ловить рыбу'; *ni-kağüčö kod'imuñö laži*^{ti} *hojk'ira?* 'слабый мальчик бегать не может'; *d'ünd'üä?* *labit?* *hediti?* *hü?* *darumani* 'лошади не могут ехать по сугробам'; *d'älimoni sitiɟ ta tonturandu?*, *tagate lovitititij komüvü?* 'целый день они гоняются за оленем и не могут его поймать';

4) *kərbuda* 'хотеть, желать': *tagata korbutum mona tij bond'emtu?* *nuomtutva* 'после я хочу вас всех поженить'; *mona kuntagaj?* *hevitisiem*, *mona bana'am*, *niipt'ümünta korbutum* 'я долго шел, я усталый, отдохнуть хочу'.

К перечисленным глаголам примыкают эмотивно-модальные глаголы: *nömisi* 'нуждаться', *husi* 'хотеть', *monüsa* 'любить', *tuansa* 'измучиться', *dömtəda* 'сердиться', *ɲalimsi* 'обрадоваться', *ɲənünša* 'удивиться', *dendiptigüjhi*ⁿ 'ценить', *helid'asi* 'бояться', *bonud'a* 'устать', а также интенциональные глаголы *čentirida* 'собираться делать что-либо' и *čimiphi*ⁿ 'торопиться делать что-либо', семантика которых обращена к будущему (Коваленко 1992 : 29). Значение же будущего всегда содержит модальный оттенок, поскольку осуществление действия футурального временного плана мыслится либо как необходимое, либо как возможное, либо как желательное (Найфельд 1984 : 29): *siti manünsüo dilsitisi kajnitə bajka*^{amtu} 'она любит слушать пение своего мужа'; *nüo*ⁿ *hilid'akati*ⁿ *lekurud'a hiezətisi* 'дети боятся идти к врачу'; *mənə bənajnə hiezitisi* 'я устала идти'; *taniä munuruza ɲadəɲaɲkku čendirziki*^{iza} *l'ansazičə latitau*^{əzi} 'так она сказала, и нганасанка решилась (собралась) тальник рубить'; *siti čiminsiə heliptida* 'она торопилась ехать в гости'.

Модальные глаголы выражают различные оттенки модальности своим собственным лексическим значением. Однако приведенные глаголы имеют нечеткую семантическую характеристику, что значительно усложняет их исследование и указывает на неразвитость данного средства выражения внутренней модальности в нганасанском языке.

* Использованные текстовые материалы: Сказки народов Сибирского Севера, вып. 3, Томск 1980; Сказки народов Сибирского Севера, вып. 4, Томск, 1981; Таймырский этнолингвистический сборник: Материалы по нганасанскому шаманству и языку, вып. 1, Москва 1994; Рукописные материалы по нганасанскому языку, хранящиеся в Лаборатории языков народов Сибири ТГПУ, Томск.

1.2. Модальные слова

Модальные слова — это неизменяемые служебные слова, соотносимые по своему происхождению с именами, глаголами и наречиями и выражающие отношение говорящего к высказываемой действительности: логическую оценку, характер понимания, эмоционально-экспрессивное освещение, квалификацию и пояснение предмета мысли, эмоционально-волевое отношение к собеседнику, характеристику соотношения и порядка излагаемых мыслей (Петров 1984 : 43). Выделение модальных слов в самостоятельную часть речи в нганасанском языке осуществляется, как и в других языках, на основе единства трех признаков: лексического значения (способности передавать логически-рассудочную субъективную оценку говорящим всего высказывания в целом); синтаксических функций (способности выступать в роли вводного члена предложения, в диалогической речи — в роли слова-предложения); морфологической структуры (неизменяемости формы). Не менее важным является позиционный критерий, согласно которому модальными словами считаются служебные слова с модальным значением, занимающие свободное место в предложении (Дмитриев 1962 : 383; Смушкевич 1968 : 199; Петров 1984 : 34).

Учитывая вышеизложенное, модальными словами в нганасанском языке можно считать следующие:

- 1) *ɲəndiːäj* 'навверное': *ɲəndiːäj miŋ nokunu muŋküːd'a koniːd'a koniːsitəmiː* 'навверное, мы скоро в лес поедем'; *əmti satəɾəküö ɲəndiːäj anid'aːa sort isüza* 'этот песец, навверное, высокого сорта будет'; *takarába ná:gaj d'ĩlsi-ti sitabizamta d'əptukiem mánɔka ičatu ɲandiäj* 'теперь слушай хорошо, сказку расскажу, интересно будет, навверное'; *biela mona ɲubanä binitaseihütüŋ ɲondiäj?*, *nihiäva d'ügu?* 'если бы мои рукавицы были с завязкой, навверное, не потерялись бы'; *tagapta Tala tāčču kəmiʔe, ɲandiäj ɔd'ütu* 'потом Тала оленей поймал, навверное, аргшит'; *d'intadiäku kəptiditadu, ɲandiäj kod'umu* 'лук на краю люльки (на ободке), навверное, парень'; *ni-nirə ɲəndiːäj tubitizitədiade* 'твой старший брат, навверное, с ружьем был';
- 2) *mint'agəni* 'может быть' (сообщает оттенок большей предположительности по сравнению с *ɲəndiːäj*): *mint'agəni Bud'a bajkaːa desimi kotudüod'a nuo mi nerisi tuːo əku* 'может быть, бог, убивший нашего отца старика Будя, нас преследует (навверное)'; *decsimə mintägəni koruzuːd'a büsüzü əku* 'мой отец, может быть, поедет в поселок (навверное)'; *mint'agəni sitiŋ suoːsizəː* 'может быть, они перекочуют'; *d'ämo siligö d'ämo ɔqjbutu kuntad'ämo? gaanu. mint'agəni kərutətu* 'чей-то голос слышен вдалеке. может быть кажется';
- 3) *iiːi* 'да' (усиливает утвердительный смысл высказывания): *iiːi, tənni-ni niliːsizəm bəndə tənə* 'да, я буду там жить все лето'; *iiːi, küzəhü basasuzəm* 'да, завтра буду охотиться'; *tənə əmni ɲuːozəŋ? iiːi, mənə ɲuːozəm* 'ты здесь один? — да, я один'; *ii? sidərhəbtə kut'əsani?lami* 'да, действительно, он место для опоры';
- 4) *d'ayku* 'нет' (усиливает отрицание, заключенное в отрицательных формах глагола): *d'ayku, nonəŋː ninti tuː* 'нет, он больше не пришел'; *d'ayku, tuj'satəmə niː bəɾəː* 'нет, не жди моего приезда'.

В нганасанском языке модальные слова передают субъективное, оценочное отношение говорящего к высказываемому, являясь средством выражения внешней субъективной модальности.

1.3. Модальные частицы

Частицы — это служебные слова, не имеющие самостоятельного лексического значения, характеризующиеся абстрактностью семантики и несамостоятельностью употребления, т.е. неспособностью выступать в качестве самостоятельных членов предложения. В нганасанском языке среди частиц-слов обнаруживается особый переходный тип от слов к морфемам. Наряду с частицами-словами в языке встречаются частицы, которые уже практически превратились в агглютинирующие суффиксы. Превращение частиц в морфемы связано с ограничением свободы передвижения частиц по предложению. Закрепление частицы за определенным местом и определенной частью речи предваряет переход в агглютинативную морфему. Частицы такого рода уже являются в сущности словообразующими элементами.

Выделяемые в нганасанском языке модальные частицы выражают различного рода модальные отношения в строе предложения, придают своеобразный оттенок тому предложению, в котором они находятся (Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980 : 302). В отличие от модальных слов, которые имеют свободную позицию в предложении и выражают модальность непосредственно, частицы примыкают к знаменательному слову, выражая модальность через семантику последнего (Петров 1984 : 21). Именно свойство добавлять к сказанному нечто подразумеваемое, вытекающее из ситуации общения и существенное для коммуникантов, можно считать основным функциональным свойством модальных частиц (Заикин 1985 : 15).

Модальные частицы выражают различную степень достоверности высказывания, разнообразят и оживляют речь, усиливают эмоциональное воздействие высказывания, раскрывают отношение говорящего к высказываемой мысли, т.е. являются средством выражения внешней субъективной и эмотивной модальности. В нганасанском языке модальные частицы составляют несколько подгрупп.

1.3.1. Частицы, сообщающие предложению оттенок предположительности:

ńánditi (придает высказыванию оттенок предположительности): *məna mouma, kujiŋu? manugüo tanara tańirigatimi məna timi'nä d'ämutakiem ńánditi* 'моя земля где? когда-то летом мы переживали, я сейчас улечать буду, наверное'; *kopta d'ed'imti ʋanıürʋ'a ʋińariri malü?omu? ńánditi* 'девушка, глядя на отца своего, думает — мы остановились, кажется'; *mazajčü čenintəmə ńánditi* 'гостя знаю, кажется';

əku (выражает предположительность действия с оттенком бóльшей уверенности): *takə tunti diza"arə əku* 'вон ту лисицу ты застрелил, может быть'; *sürüozu kuntəga"a isüzə əku* 'зима долгая будет, наверное'; *kəhi tuo? bənd'i nənsugudaj, tuo əku* 'куропатки пришли, на улицу выйти может, вышел бы'.

1.3.2. Усилительно-ограничительные (или выделительные) частицы: *bəlta: bəlta hozətənduj, bəlta tuoptugujčüŋ* 'ты только пишешь, только читаешь'; *magəliče deru"sa bəlta siəderiamtə sani"mumbatuj* 'ничего не зная, ты только зря болтаешь (букв. языком только играешь)';

bənsə: tund'ade" bəndə" deramuo" isüo" 'приехавшие сплошь незнакомые были';

-*ra/-la*: *milianə, tiliatə əmə čenintimi* 'я только, ты только это знаем';
-*gəliče/-kəliče*: *əmə məuntənu təmuɣkkukəliče* "nindi" nili" 'в этом месте даже мыши не живут'; *nambuay d'əmoda d'ədikü, nilipšjakol'iče isja ninti koni?* 'из-за скверного зверя, даже жить стало невозможно'; *d'ajku nikaličed'i heliɣi* 'дядю даже не спасает'; *tənə-tə* "nisi ɣəmlugəliče" 'тебя-то не едят даже'; *bajka*"a ninti ɣəmunəntugəliče" 'старик даже есть не хочет'; *mənə dintəgəličemə d'ajku* 'у меня лука даже нет'; *niñö ninti kutmuɣkəliča* 'девушка ничего даже не ответила';

-*güo/-küo*: *hirəgəgüö hirəgə, nikəzi tənə*"liku 'высокий-то он высокий, а силы у него немного'; *manugüö tanara tañirigatimi mənə timiñä d'əmutakiet nänditi* 'когда-то летом мы переживали, а я сейчас улечать буду, наверное'; *ɣigi?iñä hezitiɣi mununtu — minɣegöna mouheli helieta tənə magaličara d'ajku* 'людоедка идя говорит: у меня-то полземли родня, а у тебя-то никого нет';

əhi: tiɣ əhi māda timajčijiri? 'вы-то почему молчите?'

1.3.3. Утвердительная частица *-tə*": *mata-tə*"tu"omu" 'в чум ведь мы приехали'; *ərakəramənə hozətənduɣ-tə*" 'красиво пишешь ведь'; *soruli*"ə-tə" 'дождь начался ведь'; *nəranini*"bigaj-tə", *nintu bika*"kü 'впереди нас река ведь, не речка'.

1.3.4. Отрицательная частица *-bəlta* (выражает несогласие продолжать какое-либо действие или разговор): *bəlta, hozətəsa šazi*"əɣ 'все, ты кончил учиться'.

1.3.5. Частица *mintu* (в сочетании с условно-деепричастной формой основного глагола) передает значение возможности осуществления какого-либо действия: *d'alida tujhü*"tə mintu 'днем прийти тебе можно'; *timiña tən*"ia bübü"nə mintu 'теперь туда пойти мне можно'; *hind'a bübü*tə mintu 'ночью тебе пойти можно'; *əmni mənə barələbü*tə mintu 'здесь меня подождать можно'; *nintu?* boulamumani d'ügühü? mintu 'в непроходимом лесу заблудиться можно'.

1.3.6. Частица *-huazu*, характеризующая неожиданность действия: *ɣo-nanta niidata mata kouhuanduɣ* из-за себя (по собственной вине) дома ведь остаешься; *Däzanu Nehuli taɣkaga ihuadu* 'Дязану Нехули сильный есть-оказывается'; *bolu*"a ɣiti ihuadu, balakira"ə 'злой он есть-оказывается, вспыльчивый'.

1.4. Междометия

Исследование междометий тесно связано с еще не решенной окончательно проблемой их отнесения к категории слова. В последнее время преобладает мнение, что «междометия — это не «рефлекторные звуки, инстинктивные крики», и не «чужеродные элементы» в языке. Междометие — это слово, часть лексического состава языка, важный и необходимый его элемент, необходимое средство общения. [---] Междометия включаются в словари, переводимые с одного языка на другой, архаизируются и выходят из употребления, могут быть заимствованы из других языков» (Гаджиев 1973 : 19). В нганасанском языке междометие также представляет собой особую часть речи, которая обладает определенным набором только ей присущих дифференциальных признаков: 1) отсутствие номинативной функции и понятийной значимости, обобщенность выражаемого смыслового содержания; 2) от-

существование грамматического значения, морфологическая неизменяемость, изолированное синтаксическое употребление. Исходя из того, что междометия выполняют в языке коммуникативную функцию (императивную или эмоциональную), их, как правило, делят на императивные и эмоциональные (Пиотровская 1992 : 133).

1.4.1. Императивные междометия рассматриваются как средство выражения волеизъявления, т.е. коммуникативной модальности. Передаваемые ими значения разнообразны по семантике:

1) повеление, побуждение: *d'ad'uru mununtu* — *t ə t ə d'akagumi* 'тогда старик говорит: ну, ну, приведи (оленья)!'; *ta:síéda satirini hélhodaaj, t a:, nurakó:gaj* 'плохо, что ты песцов отпустил, ну, дома сиди'; *t o ? o čiajid'i ŋantukund'i nögaj* 'ну, залезайте в лодку, девочки'; *o u", mā hulniŋ?* 'ну, чего же ты хочешь?'; *təgata koptua aŋukaməni bonud'a ... mununtu h o : h a takə d'ikarakuta niptüküjna* 'тогда девушка, сильно устав, ... говорит: ой, на той горке отдохну!';

2) сильное удивление, страх, тревогу, предостережение: *k a z ə u, siti nu" kozu"l* 'о й, его не убей!'; *k a z ə u, əmtirə neŋhiəzu čunda" a, merigijaj bəndi ŋonsəzutə* 'к а з я у, капкан-то мой добычу поймал, вон какой песец поймался'; *k a z ə u, tuntiaj, mad'a nogitirijŋ?* 'к а з я у, лисичка, ты чего это толкаешься'; *k a z ə u, səamanə tə derizi"əm* 'о й, к родственникам попал я';

3) обращение, окрик: *t o ? o v kuŋi?əjnuy ni tata d'aradijijŋ?* 'н у (дорогая), как ты себя чувствуешь, ты все еще болеешь?'; *t ə ü!* (окрик на собаку).

В случае употребления междометий с целью обращения в предложении может быть названо лицо, которому это обращение адресовано: *k o δ a ? I b u l a kana sətəra totunu?* 'э й, И б у л а, сколько ты песцов добыл?'; *e j ? , d' a d' u r u j, manuŋaj nonda kali?iča?aj* 'э й, с т а р и к, почему ты так глуп?'; *t a t a, ŋ ü k ü, to?oj ma:ra kuni?iä mejji?* 'Н у, д о ч к а, ты пришла, что-нибудь случилось?'

Императивные междометия, являясь средством выражения волеизъявления, встречаются в предложениях с побудительной или вопросительной целеустановкой, содержащих общий момент в их модальной семантике — адресованное волеизъявление (Распопов 1973 : 32—33). Это дает основание некоторым лингвистам сближать императивные междометия с императивом и относить их к морфологическим элементам побудительной модальности (Германович 1961 : 19; Бондарко, Буланин 1967 : 122).

1.4.2. Под модальными значениями, передаваемыми эмоциональными междометиями, часто понимается выражаемое ими эмоциональное отношение говорящего к содержанию высказывания, объективной действительности или речи собеседника. Эмоциональные междометия рассматриваются как средства выражения внешней субъективной и эмоциональной модальности. В нганасанском языке междометия выражают самые разнообразные чувства:

1) удовольствие, удовлетворение: *t a a j ŋagə babi koza"am* 'а й, хорошего дикаря (оленья) убил я'; *təgata nemiidi mununtu* — *h o h o magö koda?ŋ tətvsəšj, tati ma:nuna kamaku huajmuntara* 'мать его говорит: о-о, что-то ты убил, кажется, это потому, что капля крови на твоих боках';

- 2) восхищение: *h e m o, h e m o nága koptua ísä kona?ga* 'о й, о й, красивая девушка стала';
- 3) сильное изумление, восхищение, переживание: *h e "m o u" nagatata meragatani nojbautu!* 'о-о, он работает быстрее тебя!'; *śuabtiaj? nabitatabinā n o h o g o h o u? tobsütüsa!* 'если я действительно буду прав — о г о, как странно!'; *h e m o u! nuokumu tā buogali"ə, — sitij layuru"əgaj* 'х э м о у, наш ребенок начал разговоривать! — прокричала людоедка';
- 4) боль, сильное волнение, душевное переживание: *d ö u, nojbuomə d'ariti* 'о й, у меня голова болит'; *kuod'umu bogali?e: e j, kuniä nansutana h'ütadama sankutu* 'мужик (парень) говорит: э й, как подняться, тело тяжелое'; *e j, śajmiča vanuru?, kojbal'ündum, kuniä tana koda tánum, tana nelholundátum* 'э й, его (песца) глаза смотрят, мне жалко, как я тебя убью, я тебя отпущу';
- 5) удивление с оттенком испуга: *o u ? ma:d'a və:ma norvürnü nindimta manad'a koni'anditi, ma:čakö v'erimi"ä nänditi* 'о, почему мое сердце вздрагивает, не хочу домой идти, что-то случилось, кажется'; *o j u "*, *desimə kankə tu"o!* 'а х, мой отец уже приехал';
- 6) неприятные ощущения: *təgata koptua hediti"vi kočuögönu mununtu viña-rir"vi: o u ?, ma:d'a kəkumni* 'после, проехав некоторое время, девушка говорит про себя: о, почему затуманилось (в глазах затуманилось)?';
- 7) негодование: *o ? o ? nuodapta takümü? nintanimi?!* 'о, единственного оленя резать, нет!';
- 8) недоумение: *e j oma loču hond'ü kuniä nitándun, vo:d'ünantunu?* 'э й, эти доски и постель куда еще хотят аргишить?'

В речи яркая модальность междометий находит интонационное выражение, при помощи которого уточняются оттенки их значения. При различной интонации одно и то же междометие может передавать не только разнообразные, но не редко и противоположные чувства и ощущения (Терещенко 1979 : 294): *o u ? iri"ajna dəngujkümü kontamatteinkabattu d'ajkümü* 'о, в дедушкином чудесном капкане оказался Дяйку!' (радость); *o y, mād'a kuntəgaj" kunduanu?* 'ой, почему так долго спишь?' (негодование, упрек). Поскольку междометия выражают субъективные реакции человека, его переживания, возникающие под влиянием внешних факторов, они часто оформляются восклицательной интонацией, что делает высказывания экспрессивными: *heu!* 'ух!' (ощущение духоты, жары); *aj isabö!* (чувство страха); *i h, i h! mād'a tujmə taku'aj horka"linü?* 'ы х, ы х! почему огонь у меня так трещит?' (удивление); *e j, śajbo nanasa h'üota kundatu* 'э й, семь человек все еще спят' (негодование).

Нельзя сказать, что лексические средства используются в нганасанском языке для передачи модальных значений широко. Да и класс зарегистрированных лексических единиц соответствующего плана относительно немногочисленный. Подобное положение можно объяснить тем, что нганасанский язык обладает довольно сильно развитой системой морфологических средств для передачи внутренней, внешней объективной, внешней субъективной и коммуникативной модальности. Наклонения, а их в языке 12, являются грамматической основой модальности. Глагол как носитель самых разнообразных выражений модальности в своих формах устраняет необходимость широкого исполь-

зования лексических средств для передачи модальных оттенков сказуемого.

2. Синтаксические средства выражения модальности

В современном языкознании перечисленные лексические средства выражения модальности часто рассматриваются либо как лексико-грамматические (модальные глаголы в сочетании с инфинитивом), либо как синтаксические средства (модальные слова отождествляются с вводными членами предложения, частицы и междометия считаются обязательными структурными компонентами предложения). Однако на синтаксическом уровне имеется свой комплекс средств, которые выражают модальность значением синтаксической конструкции и не требуют грамматикализации лексического материала (Петров 1984 : 34). В данной статье рассматриваются следующие синтаксические средства выражения модальности в нганасанском языке: 1) различные синтаксические конструкции; 2) номинативные предложения; 3) инвертированный порядок слов; 4) обращение.

2.1. Синтаксические конструкции

2.1.1. Оценочные конструкции на основе условно-деепричастной формы на *-bü* / *-hü* (фонетические варианты *-bi* / *-hi*) в оценочных конструкциях. В данных конструкциях условно-деепричастная форма, находясь в зависимой позиции при оценочном предикате, представляет потенциальное событие, подвергающееся оценке со стороны говорящего или другого лица. Среди оценочных предикатов следует назвать слова *ńaga* 'хорошо', *nəyhua* 'плохо', *d'aməlagə* 'трудно', *hiliə* 'страшно', а также к ним примыкают *mintu* 'можно', *nəinti* 'нужно', в русской грамматике относимые к категории состояния или к разряду предикативных наречий (Коваленко 1992 : 39): *ɲamsaʔlammum ɲuta ɲamsahüʔ ńaga* 'съедобные ягоды есть можно'; *hiebie hora d'irtəni ńəkibüʔ ńaga* 'загорелое лицо помазать жиром надо'; *toliaməni buoto ɲanaʋana hünd'ühüʔ noyhua* 'лживому человеку верить нельзя'; *susub'äləɲ bobatana kundahü noyhua — koj'tin'i d'är'it'i* 'на кочковатом месте спать плохо — бока больно'; *laɲür-küita ńö d'aməlaka šad'ir'ijhuʔ* 'крикливого ребенка трудно успокоить'; *četuami hiliə kadöhoatanu kouhüʔ ɲuol'aj* 'очень страшно в грозу остаться одному'; *moķüčüaru botugal'i końüv'übüʔ mintu* 'хариуса без удочки ловить можно'; *taʋieda kuntagutənu ɲə'iču konibiʔ ńejinti* 'довольно далеко шаман живет, ехать надо'.

2.1.2. Аналитическая конструкция с условно-деепричастной формой вспомогательного глагола *íša* 'быть' употребляется в конструкциях сложного предложения, где она выражает нереальное условие, которое не позволило осуществиться событию заключительной части, выраженной финитным глаголом в форме конъюнктива (Коваленко 1992 : 69): *ɲičeni konidiə ihuʔtə, kotubuazəmi ɲukəgaj deptuj* 'если бы ты вчера пошел (со мной), настреляли бы мы много гусей'; *ɲənduj honsiə ihüʔnə büübazaj-mə kolizih'asi* 'если бы у меня была лодка, приехал бы рыбачить'; *miɲ taluo büübazajmuʔ hatəɲəd'a basuzünü ńakələsiə ihüʔnuʔ* 'мы бы вчера поехали в Хатангу, если бы деньги получили'; *küzatud'a tusüo ihüʔtu ni-*

hazəm koni” *danyguruda* ‘если бы вчера приехали, я бы в тундру не поехала’.

2.1.3. Причастие на *-suzə/-sutə* (фонетические варианты *-süzə/-sütə*, *-sizi/-siti*) в роли определения, распространенного определения, элемента зависимой части определительных полипредикатных конструкций. В любой из перечисленных функций причастие на *-suzə/-sutə* имеет значение должествования, т.е. выражает внутреннюю модальность (Коваленко 1992 : 50, 54, 58): *t u s u z ə ɲana*”*sa kotəkandu diroj tarəkəj* ‘человек, который должен приехать, убивает по сто белок’ (простое определение); *m a j t a n ə d ö a n e s u t ə sir bika kademanni ičüo* ‘лед, который должен растаять в мае, у берега реки находится’ (распространенное причастное определение); *miŋ baratumu*”*dayurkitə t u j s u z ə*” *b a s u t u u o*” ‘мы ждем охотников, которые должны приехать из тундры’ (полипредикативная определительная конструкция).

2.2. Номинативные предложения

Модальность, заключающаяся в выражении субъективного отношения содержания высказывания к действительности, является одной из специфических особенностей номинативных предложений. В нганасанском языке номинативные предложения развиты слабо. В бытовых рассказах, сказках встречаются как нераспространенные, так и распространенные номинативные предложения, применяемые главным образом для описания природы и явлений окружающей среды. Простое наименование предмета или само по себе, или в связи с поясняющим словом создает наглядный образ происходящего: *sürüo* ‘Зима’; *anika?a ba:gutad’am* ‘Большое море’; *kətara?a kətara?a. česiti. süfü ɲiləməni* ‘Пурга, пурга. Холодно. Снег внизу’; *bənd’i kədu tu kotara tangati. kona?a d’älli. šəjbo d’älli kotara?a* ‘На улице пурга, сильная метель. Настал день. Семь дней снова пурга’; *Bonʋagaj nihontigaj, niči numayku, siti ta:la nin-dögaj. nanuma? nädetu ma?. niniptiatala nö:ditəjiču. nö:dioligaku lapsüjta-ku. ɲaməj ta:la nö:di d’əjku. d’äla? talu babi kotatugaj. ta:šij ɲukaga* ‘Все женатые, женщины молодые, двое богатых (оленьями) братьев. Шестовой нганасанский чум. У старшего брата ребенок есть. Ребенок маленький в люльке. У другого богатого (оленьями) ребенка нет. Каждый день дикого (оленя) убивают. Оленей много’.

Номинативные предложения часто употребляются для озаглавливания рассказов, сказок, книг и т.д.: *baruʋjayku* ‘Чертенюк’; *kəhi lu* ‘Одежда куропатки’; *hoandula?a tuntı* ‘Хитрая лисица’; *ʋugu?iniä — ɲad’iɲayku* ‘Людоедка-нганасанка’. На основное значение бытийности в номинативных предложениях могут наслаиваться различные значения, такие как обязательность/необязательность, желательность/нежелательность, возможность/невозможность, необходимость, требование, запрос, эмоциональная оценка и т.д. Причем любое из модальных значений может быть доминантой высказывания в зависимости от коммуникативно-целевой установки говорящего (Проничев 1992; Машадиев 1974 : 8): *ɲoɔda tā d’äni?e. četuami bəngata?a. čüdüta?a* ‘Одного оленя поймал. Сильно упитанный. Жирный’ (удовлетворение); *ni yora:tu bi:äjda. madamtu d’üku?o. ta:ču koiči. tu kačemi?e. tama tu:oku* ‘Баба одна

пошла. Чум потеряла. Оленей оставила. Огонь увидела. Чума огонь, однако' (удивление).

2.3. Инвертированный порядок слов

Для нганасанского языка характерен относительно свободный порядок слов в предложении. Действует эта закономерность прежде всего в отношении сказуемого. В отличие от других самодийских языков сказуемое в нганасанском может не только замыкать предложение, но и располагаться в его середине и даже в начале. Подлежащее при этом занимает место перед сказуемым. Обратный порядок слов наблюдается, когда подлежащее следует за сказуемым. В том случае, когда инверсия употребляется намеренно, она является стилистическим средством, отображает индивидуальные особенности речи, придает им живость и выразительность описаниям (Терешенко 1973 : 288): *ńenač'i?ä vugi?ä:ta ńarbimid'i?ä mągutuńi. mounta voɣoda mounta čajbodi viđita kiru?a. čajbogati ɲ o n d' i ä?* (предикат) *mottü ń i n i d a* (субъект) *k o p t a* (субъект): *tųmanu* 'Большой людоед упал на спину. На землю упав, на земле его живот надвое распался. Из его живота вышли шесть его братьев вместе с их сестрой'; *viđiätta lonud'i ɲąngututu — lojubina honuna ɲoblugütü ńeninąand'i? kirti? hilčiti? kolvüo?indi? venvindi?. d'odama konigo ńeninąa?iśa śimid'ejńa vienviđa hilč'i?iśa. omočuyaj d'alamənu t ə j r i?* (предикат) *taɲada ń e n i ɲ k a?* (субъект) *h i l č i?* (субъект) *v i e n - v i* (субъект) *k o l v ü ?* (субъект) 'Людоедка с горя воет: Когда сгорю, после меня искусают комары, мухи, пчелы, жуки. Зола моя пусть станет комарами, угли — жуками, пчелами! До сих пор летают летом комары, пчелы, жуки и черви'.

2.4. Роль обращения в выражении модальности

Обращение как явление синтаксиса выражает модальность своей грамматической (синтаксической) семантикой вне зависимости от того, кого или что оно обозначает (Петров 1984 : 20). Основная функция обращения заключается в том, чтобы «побудить слушателей слушать, обратить их внимание на речь говорящего» (Пешковский 1956 : 407): *D'ajku mununtu — i d' a, aba?ana činv'äna?a hukuma* 'Дяйку говорит: п а п а, я мамино передового приведу'; *maťa čid'i ńemintid'a mununtu — a b a, taɲuna takajča tujuɲaɲku?* 'Зайдя в чум к своей, матери, она сказала: м а м а, что такое, едут!'; *sudiä munu?o ...mađa b ə j k u, kűmantəna horaura. b ə j k u, təna sela* 'Судья сказал... зачем, старик, ножом грозишь? С т а р и к, ты виноват'.

Грамматическое значение побудительности, которое несет в себе обращение, сближает его с императивом и междометием. Естественной сферой функционирования обращения являются контексты, содержащие глагольные формы повелительного наклонения. В подобных контекстах обращение участвует в создании императивного модального плана высказывания (Костылев 1992 : 105): *n a g ü r ɲ u ə H o s i ? - t ə l ə, mii?nikə nogu?ɲuru?!* 'т р и б о г а Х о с и т а л а, поближе сюда приблизьтесь!'; *k o б u, aba?nanamu houtabahu'i* 'т е т я, с моей мамой вместе за дровами сходите'; *v' a j b i k o p t a, bettimkümi bet-*

täð'anguy ikabambuy ʋäjbi mou bontumənu d'ind'ila ʋ'ojbukatu 'сестра семи братьев, потанцует вдвоем, ты танцовщица бываешь, говорят, на семи землях слух слышится'; *Tāla munuʔo — n̄ ö k u miä tuʔ* 'Тала сказал — ребенок, сюда иди'; *ɣəmsu hud'a, n̄ ö k u* 'еды принеси, д и т я'.

Обращение может являться элементом поэтического синтаксиса. В традиционной культуре нганасан имеется особый фольклорный жанр — песни-экспромты иносказательного содержания (*kəjɣəirüä* 'пение друг другу'). Обращение, употребленное в такой песне, воздействует на читателя или слушателя, усиливая эмоциональность и экспрессивность речи, реализуя тем самым эмотивную модальность:

<i>h i a ɣ g u m ə,</i>	'Мой старший родич,
<i>ɣ o j b u m ə,</i>	моя верхушка,
<i>śiti huditürə</i>	два твоих сквозных отверстия
<i>koubtarə honti.</i>	имеют предметы для восприятия на слух.
<i>suntəə ləjmimənu</i>	Во время безлесой скуки
<i>n̄adiʔsəmidətə</i>	в качестве твоего места для установки чума
<i>kobakuəj məuj</i>	подсохшие земли
<i>nat'arkəbsüdüətə.</i>	подбирай'.

Обращение обнаруживает способность к формированию субъективно-модального значения, поскольку оно не только называет лицо, к которому обращена речь, но и характеризует его. Позиция и отношение говорящего проявились в выражении различных чувств: радости, удивления, ласки, иронии, негодования, просьбы, мольбы и др. (Почтенная 1968 : 24—27): *l a b s ə k a ʔ k u D i ɣ i m i a ʔ k u, maad'aa səiile huuʔa nagəmtu d'ali mälçitənu səjbuləhaʔʔ* 'м л а д ш е н ь к а я Д и н ч и м я - к у, почему твой шум три дня назад послышался?' (ласка); *S e n̄ a, n̄ u ə m ə, əmə məuntə horəmtə tətubəduj!* 'Ж е н я, м о й с ы н, в эту мою землю свое лицо ты, оказывается, принёс (= ты пришел!)' (радость и удивление); *ç e n i, n e ə ʔ ə, b a a r b ə t ə, n̄ a n i səbulairümi* 'м а т ь Ч е н ы, м о я х о з я й к а, друг в друга мы промахиваемся!' (под промахом имеются в виду предшествующие недоразумения при гадании) (досада).

ЛИТЕРАТУРА

- А г а е в а Ф. А. 1990, Модальность как лингвистическая категория, Ашхабад.
А м и р а л и е в К. 1981, Семантико-грамматические функции частиц тюркских языков. Автореф. канд. дисс., Алма-Ата.
Б о н д а р к о А. В., Бу л а н и н Л. Л. 1966, Русский глагол, Ленинград.
Г а д ж и е в К. Б. 1973, Междометие в азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс., Баку.
Г е р м а н о в и ч А. И. 1961, Междометия и звукоподражательные слова русского языка. Автореф. докт. дисс., Симферополь.
Д м и т р и е в П. К. 1962, Строй тюркских языков, Москва.
Е р м о л а е в а Л. С. 1987, Очерки по сопоставительной грамматике германских языков, Москва.
З а и к и н А. Е. 1985, Коммуникативно-прагматические функции немецких модальных частиц. Автореф. канд. дисс., Москва.
К о в а л е н к о Н. Н. 1992, Инфинитные формы глагола нганасанского языка, Новосибирск.
К о с т ы л е в А. О. 1992, К вопросу о модальных потенциях обращения. — Модальность в ее связях с другими категориями, Новосибирск, 104—112.

- К р у ш е л ь н и ц к а я К. Г. 1961, Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков, Москва.
- К у з н е ц о в а Н. Г. 1995, Грамматические категории южноселькупского глагола, Томск.
- М а ш а д и е в К. И. 1974, Номинативное предложение в современном азербайджанском литературном языке. Автореф. канд. дисс., Баку.
- Н а й ф е л ь д А. Д. 1984, Грамматико-лексическое поле модальности в английском языке. — Семантико-системные отношения в языке, Свердловск, 27—31.
- П е т р о в Н. Е. 1984, Модальные слова в якутском языке, Новосибирск.
- П е ш к о в с к и й А. М. 1956, Русский синтаксис в научном освещении, Москва.
- П и о т р о в с к а я Л. А. 1992, Междометия как средство выражения субъективной модальности — Модальность в ее связях с другими категориями, Новосибирск, 130—138.
- П о ч т е н н а я Т. Г. 1968, Современный русский язык. Синтаксис. Слова — предложения, обращения, вводные слова и вводные сочетания слов, Москва.
- П р о н и ч е в В. П. 1992, Категория модальности и времени в односоставных номинативных предложениях. — Модальность в ее связях с другими категориями, Новосибирск, 39—49.
- Р а с п о п о в И. П. 1973, Очерки по теории синтаксиса, Воронеж.
- С м у ш к е в и ч Е. С. 1968, Модальные слова как часть речи в современном английском языке. — Вопросы теории частей речи, Ленинград, 198—207.
- Т е р е ш е н к о Н. М. 1973, Синтаксис самодийских языков, Ленинград.
— 1979, Нганасанский язык, Ленинград.
- Х е л и м с к и й Е. А. 2000, Компаративистика, уралистика, Москва.

E. V. USENKOVA (Novosibirsk)

LEXICAL AND SYNTACTICAL MEANS OF EXPRESSING MODALITY IN THE NGANASAN LANGUAGE

The aim of the article is to describe lexical and syntactical means of expressing modality in the Nganasan language. Lexical means comprise modal verbs, a group of words with emotive semantics, modal words, modal particles and interjections. Of interest here is also the problem of finding discriminating criteria for defining the above-mentioned means as parts of speech in the Nganasan language. The description of syntactical means includes syntactical constructions, nominal sentences, inverted word-order and direct address. But, first and foremost, the investigation was to shed light on the role both the lexical and the syntactical means play in expressing different types of modality.